

Литературный салон «Красной звезды»

— Петр Ефимович, мне приятно и радостно с тобой беседовать: мы воевали вместе не только на одном — Первом Белорусском — фронте, но в одном полку и даже батальоне. Учились тоже рядом: ты в Саратовском пехотном, а я в Энгельском пулеметном. После войны, помню, ты всех с ума сводил своим высоким зеленым аккордеоном. И в Германии, и в лагере Песочном под Костромой, и в Брянке. На солдатской сцене выступал, был душой всего полка. Тот зеленый аккордеон, видимо, и увел тебя в большое искусство?

— Ну это слишком громко — «большое искусство». А вообще-то верно: может, с того трофейного аккордеона, с музыки, все и началось...

— Время идет... Прошлое подзабывается. Новое поколение выросло. Сейчас тебя знают как талантливого режиссера, и не всем известно, что был ты и хорошим оператором.

— Да, начинал я кинооператором. По тем временам, когда снималось всего 15—20

И вскоре мы уже писали сценарий вместе. Работали весело, дружно. Но когда наш драматургический опус был сдан в Госкино, там надолго замолчали. Ни звука! Полгода я сидел без зарплаты. Наконец кто-то нам шепнул: начальство сдрейфило из-за Окуджавы, не «проходной» он сейчас. Вот и появился на титульном листе псевдоним — «какой-то» Б. Андреев.

— Еще в годы нашей лейтенантской молодости я предполагал, что ты будешь или композитором (это в какой-то мере реализовалось: в титрах «Военно-полевого романа» и «По главной улице с оркестром» ты назван автором музыки) или, думал, уйдешь в литературу. У тебя был дар художественно, образно обо всем рассказывать. Словом, литератор прочно «внедрился» в тебя. В кинотворчестве своем и к классике прикоснулся («Последняя жертва» по Островскому), и к современным писателям, скажем, к прозе Федора Абрамова. Не раз выступал ты в качестве соавтора да и автора сценария.

фильме «Был месяц май» по рассказу Григория Бакланова. В «Градостроителях» — с аккордеоном, а здесь — с гитарой. Изображал старшего лейтенанта очень естественно, будто самого себя. Как ты попал в актеры? И почему больше не играешь?

— Я тогда работал на Одесской киностудии. Приехал однажды в Москву, зашел к своему другу Марлену Хуциеву, а он как раз делает кинопробы к фильму «Был месяц май». На съемочной площадке разгуливают молодые офицеры — актеры. Марлен и говорит мне: «Слушай, ну-ка походи в костюмерную, надень форму, нацепи свои законные ордена. Сниму тебя на память, чтобы твой сын Валерка мог посмотреть, какой ты был бравый фронтовик». Усадил меня, дал гитару. А недели через две, уже в Одессе, получаю телеграмму: «Вы утверждены на роль старшего лейтенанта Яковенко, просим срочно вылететь в город Гвардейск на съемки...»

Почему дальше не стал сниматься? Скорей всего совесть не позволила. Да и профессия актерская — тяжелейшее ремесло, надо целиком себя отдавать. Мы, режиссеры, требуя от актера быть счастливым, веселым, иногда не подозреваем, что рано утром он вдруг с женой поругался или вообще ушел из дома... В каждом деле надо быть не любителем, а творцом.

— Когда заговорили отво-

ина — самостоятельное большое государство: свои законы, порядки, армия, флот. Ради Бога! Все это естественно. Неестественным было, когда в Киеве сидел заместитель из Москвы. Но люди-то родные. Как можно разделить их? Трудно представить, что придется теперь выпрашивать визу, чтобы на могилки родственников съездить. Звонит мне на днях Володя Довгань: надо, мол, нам, бывшим украинцам, которые оказались в Москве, создать какую-нибудь общину, чтобы не терять связь с ненькой. Эх, видно, не с того конца начали мы перестройку. Хорошее правительство то, которое в первую очередь о своих гражданах заботится. Все надо было предусмотреть. Или многое. Это же страшно: каждый день люди гибнут. Вчера вместе пели, за одним столом сидели, а сейчас брат пошел на брата. Кому это надо?

— Я сейчас не могу смотреть телевизор: какой канал ни включишь, всюду иностранное кино. Никто не против хороших зарубежных фильмов, их и раньше показывали, но нельзя же таким потоком, без разбору. Кто этим бездарно командует? Почему вы, ведущие киношники, кулаком не стукнете? Кинотеатры уже кое-где передельвают в пивные бары. Что происходит у вас на «Мосфильме»?

— Большая беда свалилась буквально на все искусство. Нет наших фильмов на экранах страны. США, Франция, Германия, Италия, Япония, а России или СНГ нет. Хотя на студии нашей что-то снимают, строят декорации, суетятся. Коммерция и «касса» побеждают сейчас у нас серьезные искусства. Из всех щелей муть лезет, стриптиз и балаган. Хорошие художники унижены. Много безработицы. Замечательные таланты не находят себе применения. Все стало безумно дорогим. Краем уха, например, услышал, что лимит будущего фильма «Капитанская дочка», который собирается снимать Станислав Говорухин, тянет пока... на 170 миллионов рублей. Где взять такие деньги? Кулаком-то, конечно, можно стукнуть, но откроется ли та завешанная дверь от этого стука? Появится ли блюдечко с золотой каемочкой?

— А как, Петр Ефимович, складывалась судьба твоих фильмов? Бывали шероховатости?

— Шероховатости — мягко сказано. И бревна на пути кидали. Взять хотя бы «Городской романс». Принят он был без поправок. Мы на радостях уже за армянским коньяком побежали, и вдруг депеша: срочно в министерство. Трое суток с директором толкались в приемной первого заместителя. И ушли потом, что жена одного члена политбюро углядела в картинке пропаганду внебрачных связей. Это сейчас смешно, тогда же с такой зрительницей, как говорили, не забалуешь. А в «Военно-полевом романе» предписывали убрать все коммуналки, без которых фильм рушился. Ох, и побегали тогда, доказывая, что мы не верблюды...

— В кино появился еще один Тодоровский. Валерий. Успешно, говорят, работает. Знаю, что это твой сын. Отцовские гены, видно, побудили стать на кинорежиссерский путь?

— Да, он меня радует. У него своя тема, современная. Много замыслов. Его фильмы «Катафалк» и «Любовь» замечены, даже отмечены зарубежными призами. Да вот до нашего широкого зрителя, как водится, почти не дошли.

— Говорят, ты и сам только что закончил съемку нового фильма. Он тоже связан с армией?

— Да, картина завершена. Называется «Анкор, еще анкор!» Место действия — дальний гарнизон в первые годы после войны. Из Германии выводится дивизия (почти сегодняшний сюжет). Жизнь офицеров, полковые страсти, любовь и верность, измена и мужество, преданность и честь. Не буду пересказывать. Ты там и себя немножко узнаешь, и других наших сослуживцев по 257-му полку 185-й стрелковой «непромокаемой» дивизии...

— Ну а вообще как жизнь? Выглядит ты неплохо. Что подельваешь на досуге? Какое у тебя хобби?купаешься в проруби? Бегаешь? Пса редкого завел? У нас в Переделькине один писатель, чтобы быть на слуху, коня у цыган купил, в магазин на нем ездит.

— Коня-то бы неплохо иметь, а то бензин уж больно дорог. А хобби у меня одно — работа. Снимаю картину, тут же новую продумываю. Сейчас залягу недели на три, в «подполье» уйду. Новые мысли в голове бродят. Силы пока есть.

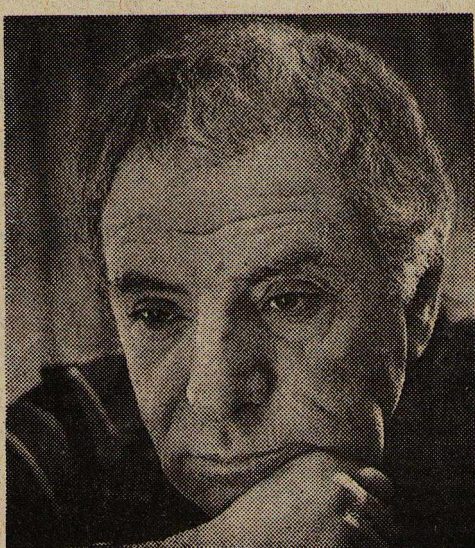
Время сейчас непростое. Оно не слов требует, а дел и еще раз дел. Хочется, чтобы на нашей земле было всегда светло. И на душе тоже. Как тогда в военной молодости. Без душевной чистоты, нравственности и напряженных усилий ничего путного не будет. Надо выбираться из этого вязкого болота. Не топтаться на месте, делая грязь еще гуще, а карабкаться вверх, подавая руку другу...

ПРЕДСТАВЛЯЕМ ГОСТЯ: Тодоровский

Петр Ефимович, кинорежиссер, народный артист России. Родился в 1925 году в городе Бобринце Кировоградской области.

Окончил институт кинематографии. Автор широко известных фильмов «Верность», «Фокусники», «Городской романс», «Любимая женщина механика Гаврилова», «Военно-полевой роман», «По главной улице с оркестром», «Интердевочка». Участник Великой Отечественной войны.

Принимает кинорежиссера в нашем салоне писатель Юрий Грибов.

Петр ТОДОРОВСКИЙ:

ТОТ ЗЕЛЕННЫЙ АККОРДЕОН...

фильмов в год, трудно было получить самостоятельную постановку. По десять лет ждали. Многие так и каули в неизвестность, не раскрывшись. Порядок был довольно жестким: походи в ассистентах оператора, потом вторым оператором и лишь после этого, если повезет, получишь картину. Мне повезло: меня пригласили снимать свой первый фильм «Градостроители». Марлен Хуциев и Феликс Миллер. С ними, а также с Нонной Мордюковой, Славой Тихоновым, Евгением Ташковым, Николаем Рыбниковым нас сдружило общежитие ВГИКа в Лосиноостровской. Счастливым было время... В «Градостроителях» я предстал еще актером в эпизодике, «увековечив» тот мой зеленый аккордеон.

— Как оператор ты причастен и к созданию столь любимых зрителями лент — «Весна на Заречной улице», «Жажда» и «Два Федора». В «Двух Федорах» впервые снялся Василий Шукшин?

— Да, тогда бедный студент режиссерского факультета в своей неизменной солдатской форме — в ней он запечатлен и в фильме. Честно говоря, мы в те дни еще не осознавали, с самородком какой величины и каким разносторонним талантом общались.

— Твоя первая самостоятельная режиссерская работа — «Верность». Душевная и честная картина. Недаром она отмечена премией в Венеции. С первого выстрела — и в десятку. А ведь ты, Петр Ефимович, и сценарист этого фильма. Правда, с кем-то в паре, с каким-то Андреевым. Но я вижу и чувствую, что в «Верности» почти все твое, тема выстрадана, пережитая тобой в курсантском строю...

— Все верно, личного там немало. Втайне я давно мечтал выступить как режиссер. И вынашивал замысел: снять фильм про своего друга, с которым мы были в училище, мерзали, убегали через забор в самолетку к девочкам, про Юру Никитина, который погиб на Оudere, когда наша 47-я армия сбивала немцев со Штеттинского плацдарма. Но сам я писать сценарий не решился. И вот в альманахе «Тарусские страницы» читаю повесть Булата Окуджавы «Будь здоров, школяр!». Мой Юра Никитин был очень похож на ее героя.

рия. А это ведь писательская работа.

— Для экранизации повести Федора Абрамова «Безотцовщина» я пригласил замечательного кинодраматурга Евгения Григорьева. А чтобы глубже понять Абрамова, ездил на его родину в Архангельскую область. Насмотрелся на русские северные деревни, где не было татарского ига и крепостного права. Народ там очень интересный, чистый помыслами. Это помогло мне лучше сделать картину. Вообще я люблю забираться в глубинку...

— Мне кажется, что ты в основном лирик. Есть в твоих работах что-то чеховское: мягкость, культура, пристальное внимание к человеку, правда жизни. Я не представляю тебя автором картины, где бы сплошь были негодяи, стрельба, насилие. Поделись, как пришла к тебе «Любимая женщина механика Гаврилова» и возлюбленная комбата из «Военно-полевого романа»?

— Да, я, видимо, лирик в душе. Кровавые сцены войны воспроизводить на экране не хочу. Зачем? А вообще-то меня больше влечет к современной жизни. К людям, с которыми общаюсь ежедневно. Нужно только хорошенько присмотреться к ним. Кудма ни кинешься — везде проблемы, невероятные коллизии, которых и придумывать не надо. А вот любимую женщину механика Гаврилова я придумал. Гулял по Одессе и придумал. Там возле оперного театра самый популярный в городе пятачок, где назначаются свидания, разыгрываются драмы у загса, а нередко случаются и драки молодых жеребчиков из-за какой-нибудь вертикалки. Из моих наблюдений и возникло зерно сценария, разработанное Сергеем Бодровым.

— Куда посчастливилось попасть на главную роль Людмиле Гурченко...

— Посчастливилось постановщику привлечь такую талантливую, оригинальную актрису, долгие годы остававшуюся без достойных ее дарования ролей. Ну а возлюбленную комбата я внезапно увидел в Москве — торгующую пирожками. Знал ее по фронту. Из этой, собственно, встречи и возник сюжет «Военно-полевого романа».

— Меня не удивило, когда ты появился как актер в

ей «Интердевочке», мои приятели, знаящие тебя, осуждающе закачали головами: «Ну и Тодоровский туда же, золотую рыночную жилу хочет разработать! В секс ударился!» Подождите, говорю, братцы, ворчать, надо сначала фильм увидеть. Верю, что у Тодоровского, как всегда, будет лента пристойная, умная. И верно, не ошибся. Фильм серьезный, социальный, он высветил явление, в частности проституцию, которая, как у нас декларировали, есть только за «бутром». Почему все-таки ты взялся за эту тему?

— Должен признаться, «Интердевочка» — не мой материал. Но вот черт попутал на старости лет связаться с проститутками. Может, любопытство взяло верх. Хотелось попробовать себя в незнакомом. Меня сильно ругали в прессе. Особенно возмущались педагоги. Интересно, как сейчас реагируют эти учителя на разгулявшуюся волну секса? Да, меняются нравы, это понятно. Но зачем автор «Интердевочки» Владимир Кунин сначала с восторгом поздравил меня после просмотра, а потом «отлаял» в «Советском экране»? Это я об этике моих коллег. По такому поводу мог бы сказать немало. О тех, кто, призывая на публике к нравственной чистоте, готов в жизни на любую безнравственность, подчас ради мелкой, эгоистической выгоды.

— В твоих фильмах, Петр Ефимович, крушно везет актрисам. Кто у тебя ни снимется, глядишь, вскоре и — премия...

— Кто-то даже назвал меня «дамским мастером». Людмила Гурченко за роль Риты получила первый приз в Маниле, Инна Чурикова — «Серебряного медведя» в Западном Берлине, а Лена Яковлева, «интердевочка», даже трижды была награждена за рубежом.

— Родом ты с Украины, там могилы твоих близких. Тепер это самостоятельное государство. Есть ли у тебя с украинскими коллегами творческие связи? И как ты вообще, человек деликатный и совестливый, относишься к национальным потасовкам?

— Я до сих пор не могу себе представить, что между Россией и Украиной могут возникнуть границы, таможи, визы, заставы... Абсурд какой-то! Другое дело, Укра-